

ВОЗВРАЩЕНИЕ “SENSUS COMMUNIS” В СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В современных исследованиях проблематизированы ключевые для трактовки текста понятия «автор», «текст и контекст», «знак» (в т.ч. показана их историческая размерность); ряд стратегий (Б. Фливерберг и школа «реалистических социальных наук», Х. Уайт, Ф. Анкерсмит) предлагают новые и достаточно продуктивные прочтения восходящей к Аристотелю стратегии «здорового смысла». Они будут представлены и проанализированы в настоящей статье.

Ключевые слова: *sensus communis* (здоровый смысл), проект «реалистической социальной науки», исследовательский стиль, вкус историка.

В XXI веке в социальные и гуманитарные исследования возвращается понятие «здорового смысла» (греч. φρόνησις, лат. *sensus communis*) и связанные с ним исследовательские стратегии.

Б. Фливерберг, глава школы социально-политических исследований – школы «реальной социальной науки» (Real Social Science), в известном исследовании 2001 г. «Делать социальную науку значимой и понятной» (Making Social Science Matter) говорит о «фронетической социальной науке». Кстати, само название книги предполагает два смысла: сделать науку значимой в плане результатов и сделать значимой (понимаемой) для людей. В исследовании 2012 г. он четко обозначил источник исследовательского подхода: «Real Social Science представляет новый практический подход к социальным исследованиям. Теоретические и методологические идеи, лежащие в его основе, вдохновлены учением Аристотеля о фронесис; они открывают новую исследовательскую перспективу в общественных науках»¹. К тому времени уже утвердился взгляд, что «фронетическая социальная наука» существовала и до артикуляции этого проекта, однако не имела организационной структуры и специфического имени². В рамках этой школы осуществляется много исследований, иллюстрирующих, как прикладной фронесис выглядит на практике.

Рассуждая о политике, Ф. Анкерсмит заметил, что она, в первую очередь, опыт. Переосмысление опыта других предполагает отсутствие разрыва между осмыслением и действием, а понятия выполняют роль каркаса, строительных лесов, используя которые можно пережить то, что заставило говорить и действовать данного мыслителя или политика, понять его стиль. Поэтому он делает вывод о том, что «в политику можно и нужно возвращать такие понятия, как рассудительность политика, такт политика, здравомыслие политика, вкус политика». «Стиль в политике может быть связан с вопросом о том, какими должны быть государство, бюрократия или судопроизводство – строгими или мягкими,

¹ Real social science... 2012, P.II.

² См.: Schram, Caterino 2006, P. 2006: 5-7.

активными или сдержанными, морализующими или либеральными, умеренными или подавляющими, щедрыми или экономными и т.д. Для среднего гражданина это гораздо более важные вопросы, чем вопрос о том, как вычислить с точностью до третьего знака после запятой финансовые последствия политического компромисса...»³. Для Анкерсмита также важно, что за счет этого достигается единство граждан.

На место этих ключевых понятий анализа происходящего в традиции, берущей начало в античности, в XIX в. пришли идеи «мировоззрения» как конструкции реальности с определенной (и ограниченной) точки зрения, социального класса (слоя), высказывания (текста) как отражения мировоззрения, научности и метода.

Понятие «здорового смысла» (лат. *sensus communis*) – это первоначально переложение в систему латинской культуры греческого понятия «фронесис». Аристотель, как известно, различал три типа знания – техне, эпистеме и фронесис. Первое – знание ремесленника, не знающего ни математических истин, ни устройства гончарного круга, но умеющего создать прекрасный горшок «по наитию». Техне стало затем латинским *ars* – искусством, за которым долго сохранялась характеристика «неосознаваемой причастности к истине мира». Образцом второго типа знания выступает математика. Здесь мы говорим о вечных и равных себе истинах, общезначимых и очевидных (и тем самым доказуемых – демонстрируемых). Целое знание здесь разбиваемо на фрагменты, каждый из которых истинен. Однако бывают ситуации, когда нам нужно знать о мире в целом – например, ситуации нашего поступка. Этого знания у нас нет – есть лишь фрагменты эпистеме, кое-что от техне, а также причастность души гармонии мира, которая позволяет нам различать хорошее и плохое (мы точно знаем, что попасть в колодец – вовсе не одинаково хорошо или нехорошо). Мы вынуждены действовать, исходя из этого, явно недостаточного знания, поэтому оценить правильность поступков мы можем только апостериори – не нарушив гармонию мира своим поступком, мы чувствуем ее и тем самым устанавливаем, что поступили правильно [Аристотель 1139b15-1141a].

Это и есть «фронесис», некая «интеллектуальная добродетель», о которой Гадамер заметил: «Хотя проявление этой добродетели обуславливает различение подходящего и неподходящего, это не просто практический ум и общая находчивость. Различение подходящего и неподходящего также подразумевает различение уместного и неуместного и подразумевает некоторую нравственную позицию, которую, в свою очередь, развивает»⁴.

Это знание к тому же невозможно транслировать – во-первых, потому, что изменяются ситуации, и правильное действие в одной из них может быть явно неподходящим в другой; во-вторых, сама истина не формулируема в качестве общего правила. Образцом трансляции учения

³ Анкерсмит 2014: 29, 195.

⁴ Гадамер 1988: 64.

о «фронесис», кстати, были сказы про дурака, существующие практически во всех европейских культурах, когда герой, узнав, что надо делать то-то и то-то, бездумно переносил это действие в другую ситуацию (услышав похвалу за доброе слово об огромном урожае «Гаскать вам – не перетаскать», он повторил его и процессии, несущей покойника, за что был бит и т.д.). Не случайно греческая история учит на примерах (парадигмах) – примераясь к ситуации и зная поступок героя, мы проясняем для себя, чем же надо руководствоваться, чтобы действовать правильно. Геродот заметил, что знание передается посредством парадигм (примеров), однако это вовсе не значит, что ситуация воспроизведется.

Таким образом, речь идет об «общем начале», проявления которого различны, и которое, в силу этого, не поддается формулировке в виде общезначимых постулатов. Эти смысловые моменты сохраняются в латинском переводе “*sensus communis*” – речь идет о «общем смысле», который руководит всеми правильными поступками, позволяя гармонии воспроизводиться, и его невозможно жестко зафиксировать в формулировке. Объясняя его, латинские авторы найдут интересные акценты. Цицерон определит его как «чувство социальности», которое руководит общественной жизнью. Правильность здесь – умение, руководствуясь опытом прошлого как примером, совершить самостоятельный и заранее не просчитываемый поступок в конкретной ситуации, при этом сообразуясь с благом как гармонией мира. Однако римские классики вносят нюансы, отличающие это понятие от греческого, поскольку они «в противоположность греческому образованию придерживались ценностей и смысла своих собственных традиций государственной и общественной жизни»⁵. Нравственное знание оказывается возможным благодаря общности жизни, ее укладу.

Проделанный экскурс в историю слова позволяет нам еще раз зафиксировать следующие принципиально важные моменты: во-первых, речь идет не о возможных моделях и выборе правильной из них, а об «универсальном» принципе, который, однако, невозможно жестко зафиксировать; во-вторых, этот принцип мы должны каждый раз «открывать» в себе заново, действуя и размышляя в соответствии с ним.

Идея оказалась вновь востребованной в XX веке, и эта востребованность связана с тремя основными факторами. Первый – засилье бесконечного и лишнего оснований конструирования, в т.ч. в рамках общественных проектов. Философские основания этого конструирования созданы окончательно к XIX в. Понятие «мировоззрение», как конструкция по поводу действительности с определенной точки зрения, предполагало, в том числе, невозможность притязаний на правильность и тем самым постоянную взаимную критику этих конструкций. При этом если действительность еще оставалась мерилем конструкций, то говорить о каких-то общих началах конструирования стало бессмыс-

⁵ Там же: 61-62.

ленным. В социальной области мы получаем набор конструкций, проверка которых в реальном опыте может стоить очень дорого.

Второе. Подтолкнули к этой новой постановке вопроса и исторические реалии. Трагедия мировых войн и революций, когда цивилизованный человек очень быстро забывает о своей «культурности» и идет убивать себе подобных, заставила искать основания культуры не в техниках воспитания и образования, связанных с Новым временем, его идеями метода и объективных законов, а в «неотменимом» индивидуальном опыте понимания. Не случайно более чуткая к настроениям общества литература меняет логику повествования – вместо рассказа о формировании характера под влиянием среды и обстоятельств появляется экспозиция внутреннего мира, из которой мы видим все остальное, внешний мир (Д. Джойс, Ф. Кафка, Дж. Оруэлл и др.). И именно этот внутренний мир является тоже гарантией неложности предлагаемых конструкций.

Третье. Ускорение темпов жизни, фундаментальные изменения, происходящие в течение жизни одного поколения, с одной стороны, просто не позволяют квалифицированно («научно») разобраться в происходящем. С другой, в ситуации этих быстрых изменений приходится действовать, а ориентиры для этого действия открывать каждый раз заново. Важно то, что эти ориентиры должны «инкорпорировать» социальность, позволять выживать всем вместе.

Как предполагается реализовывать исследования в режиме «здорового смысла» на практике? Техника работы с текстами на основе этого подхода предполагала поиск «общих мест», вовлечение в игру «предрассудков» и прояснение на основе этого мест «темных». Здесь не действуют понятия «текст», «автор», «контекст» и др. – они действительно появились позже и как раз маркировали постепенный отход от старой традиции «здорового смысла». Здесь вовсе не предполагается целостность текста – ведь до начала Нового времени тексты и писались, и читались в ином режиме. Понятия «автор» и «текст» – две стороны одной медали. Вспомним замечательный пример П.М. Бицилли, который предложил поставить в один ряд произведения, которые отделяют друг от друга полтора века: «Декамерон» – «Дон Кихот» – любой роман воспитания XVIII в.⁶ Первое – сборник обособленных новелл и вовсе не предполагает чтения от начала до конца. Второй писался в том же режиме (именно так – эпизодами про губернаторство или сражение с мельницами мы его воспринимаем сейчас), но там уже появляется канва, на которую эти эпизоды нанизаны. А третий читать фрагментами не стоит – мы упустим ключевые вещи. К тому же времени относится и появление фигуры автора⁷. Современные идеи гипертекстовости, дискуссии о «смерти автора», понятия «ризомы» и др. – это скорее негативистские формулировки. А что же в качестве позитивных приемов?

⁶ Бицилли 1995: 90.

⁷ Подробнее см.: Артамонова 2016.

Б. Фливерберг считает, что речь идет, как и раньше, об обучении на примерах; и что именно кейс-стадис должны быть центральным моментом. В частности, он констатирует: «1. При описании кейсов я воздерживаюсь от роли всезнающего рассказчика и обобщителя. Напротив, я пересказываю историю в ее разнообразии, позволяя ей разворачиваться из многогранных, сложных и иногда конфликтующих историй, которые акторы данного случая мне рассказывали. 2. Я избегаю связывать свой случай со специальными теориями любой науки. Вместо этого я его связываю с широкими философскими позициями, не укладывающимися в какую-либо одну специальность... Читателям придется самим находить путь и истину в этом случае... Записанные таким образом рассказы о случаях нельзя ни кратко пересказать, ни суммировать в форме неких главных выводов. Сама история случая – результат. Это, так сказать, “виртуальная реальность”. Для читателя, готового войти в эту реальность, исследовать ее изнутри и снаружи, наградой будет чувствительность к имеющимся проблемам, которую не дает теория... Истинное мастерство основано на интимном опыте, на тысячах индивидуальных случаев и на способности различать ситуации со всеми их нюансами, различиями, не отфильтровывая их до состояния формул или стандартных образцов»⁸. Ряд других исследователей, работающих в рамках этой стратегии, предлагают сделать ключевыми понятия «сцены» и «стиля».

В своей работе «Язык как символическое действие» К. Берк показывает, что, рассматривая терминологию как отражение реальности, мы должны отдавать себе отчет в том, что она также означает выбор определенной реальности и в этом смысле отклонение реальности⁹. Поэтому любая коммуникация есть вовлечение в спектакль, который, в свою очередь, может быть представлен через «драматургическую пентаду» – действие, сцена, деятель, средства и цель. Для Берка очень важна именно риторическая составляющая коммуникации – она прежде всего предполагает «общее поле», здравый смысл, понятый как «чувство социальнойности»; именно за счет этого и оратор, и слушатели вовлекаются в драму, или разыгрывают спектакль; именно как спектакль и надо понимать социальное взаимодействие (коммуникацию в широком смысле слова). Этот спектакль является «оборудованием для жизни» – за счет этой вовлеченности и происходит понимание или изменение истории. Мы либо принимаем этот спектакль, и тогда имеет место идентификация убеждающего с группой, в т.ч. готовность воспроизводить ряд действий, либо отклоняем – и тогда осуществляется поиск иной, приемлемой, в буквальном смысле слова, реальности. Современные исследования часто описывают политические спектакли прошлого – в частности, во время борьбы за папский престол Иннокентия II и Анаклета II в XII в. и правления «короля-солнце» Людовика XIV¹⁰.

⁸ Фливерберг 2004: 16.

⁹ Burke 1935: 70.

¹⁰ Fischer-Lichte 2000: 10; Burke 1993: 158.

Х. Уайт формулирует понятие «стиль» в классической для пост-модернизма работе «Метаистория» (1973 г.), где он выявляет четыре «стиля» историков XIX века. Он показывает, что на самом деле в исторических штудиях нас интересует не только и не столько происшедшее, сколько «родство» взглядов на устройство и динамику общества.

Поскольку историк вынужден как минимум отбирать (ставшие ему известными) события, выстраивать их связи, то «историческое знание – это всегда знание второго порядка, то есть оно основано на гипотетических конструкциях возможных объектов исследования, требующих толкования с помощью процессов воображения, имеющих больше общего с “литературой”, чем с какой-либо наукой»¹¹. Даже если историк полагает, что он ведет рассказ о том, что было «в действительности», на самом деле он лишь особым образом конструирует конкретный мир. «Объективности» событий противопоставляется конструктивность фактов и их связи. Поэтому предметом изучения должна быть логика этого конструирования – «метаистория», благодаря которой историк может представить нам некоторую последовательность событий в их связи – и тем самым истории придается «понятность».

Уайт различает пять моментов конструирования истории: хроника, история, тип построения сюжета (*emplotment*), тип доказательства (*argument*), идеологический подтекст (*ideological implication*). Хроника – «простое» перечисление событий (здесь происходит разделение важного / неважного для историка), она превращается в историю, когда выстраивается цепочка событий. Далее, анализируя историографию XIX в., Уайт сосредотачивается на трех последних составляющих.

Прежде всего, историк обладает специфическим представлением о самом устройстве общества, события жизни которого он представляет. Опираясь на идею «мировых гипотез» Берка, Уайт выделил 4 основные интуитивно ясные «философии общества» в XIX в. – органицизм, формизм, механицизм, контекстуализм. Для первой общество представляется целостным организмом, существующим во времени; это понимание единства и преемственности в существовании общества и заставляет его рассматривать «синтетически». Для формизма, напротив, конкретное общество – лишь специфическая, хотя и целостная конфигурация. Внимание историков, исповедующих формизм (Уайт причисляет к формистам, например, Ж. Мишле и Т. Карлейля), будет направлено на описание целостности и специфичности данного конкретного общества – вспомним, что Ж. Мишле ввел понятие «эпоха Возрождения». Задача историка выполнена, если «идентифицирован данный набор объектов, определены его класс, общие и специфические атрибуты и ему придано наименование, удостоверяющее его специфичность»¹². Механицизм и контекстуализм, в свою очередь, обсуждают уже не «внутреннюю» ло-

¹¹ Уайт 2002: 12.

¹² Там же: 33.

гику, а наличие выходящих за рамки конкретного общества закономерностей, управляющих развитием и сменой обществ; представители механицизма утверждают их объективность (механицистом, по Уайту, будет, к примеру, К. Маркс и А. де Токвиль; само сближение марксизма и позитивизма в отношении закономерностей довольно интересно); контекстуалисты же предполагают, что именно контекст, т.е. возникающее в определенных обстоятельствах наложение друг на друга различных факторов, приводит к уникальным, но устойчивым конфигурациям (к формистам будут отнесены, например, Я. Буркхард и Б. Кроче).

Кроме того, у историка есть представления и о социальной динамике. Описывая типы такого представления у историков XIX века, Уайт опирается на исследования идеологии К. Маннгейма, но из классификации выбирает только четыре типа: консерватизм, либерализм, анархизм и радикализм. Наконец, существенным является также способ компоновки сюжета. Здесь Уайт опирается на идеи канадского литературоведа Н. Фрая, считающего, что за основу в XIX в. берется пара «герой–обстоятельства жизни», и, соответственно, выделяет четыре типа взаимоотношений: в романе, герой борется с обстоятельствами и выходит победителем, в сатирическом произведении – та же победа оборачивается бессмыслицей, в трагедии герой не побеждает, но «сквозь» события его жизни проступают глобальные истины, в то время как в рамках комедии все проблемы в жизни героя при его достаточно «нелепых» действиях неожиданно самим ходом обстоятельств разрешаются в его пользу.

Комбинация трех компонентов (устройство общества – социальная динамика – роль и смысл действия) составляет «стиль» историка. Уайт выделил несколько часто встречающихся комбинаций. Например, консервативному взгляду на изменения обычно соответствует органицизм как «мировая гипотеза» и выстраивание сюжета как «комедии» по классификации Фрая. Типологически в основе этого стиля – такой троп как синекдоха. Заметим, что, гипотеза Уайта подтверждается многими примерами, в частности, даже название работы ведущих отечественных исследователей консерватизма – «Хранители России» – является синекдой¹³. Радикализм обычно коррелирует с механицизмом и прибегает к трагедийному повествованию; он тяготеет к метонимии (способу «препарирования» жизни, связывания частного и общего). То, что нам кажется ошибкой в радикальной пропаганде – мгновенный переход от одного конкретного случая к глобальному обобщению – на самом деле неизбежная стилистика радикализма. Анархизм, требующий «иного общества», тяготеет к формизму и разворачивает роман; базовым тропом будет метафора (ироничным примером могли бы служить названия повестей Б. Савинкова). Либерализм приобретает доказательность за счет контекстуализма и любит сатирическое повествование; ирония будет той риторической фигурой, к которой он тяготеет.

¹³ См.: Хранители России 2018.

Последовательность фактов, согласно Х. Уайту, организуется историком тем или иным образом в соответствии с его «стилем». В своей последней прижизненно изданной книге «Практическое прошлое» он заметил, что «историческое прошлое» существует только как конструкт, и поэтому оно не может «указать, как действовать в настоящем или предвидеть будущее»; «практическое прошлое» – это «прошлое вытесненной памяти, мечты и желания в такой же мере, в какой оно есть также прошлое, необходимое для принятия решения, стратегии и тактики жизни, личной и совместной»¹⁴. Здесь стиль будет выполнять роль «конструктора» действительности и помогать в «собрании–осознании» себя и происходящего вокруг, в конструировании определенной реальности. Поэтому не случайно «стильность», как способ вовлеченности в понимание, «включение» в ту же реальность, в настоящее время становится центральной в оценке предметов, явлений, людей и т.д. Именно через признание стиля мы выражаем ощущение согласованности представляемой нам реальности и признание наличия определенной «логичности» в ней. Однако при этом мы оцениваем не «содержание», не результат работы этой логики, а просто солидаризуемся с ней и ее основаниями.

Для Ф. Анкерсмита значима политика вне факта (что вполне согласуется с Уайтом) и вне ценности. При этом под ценностью он понимает абстрактные ценности индивида и свободы, как они, например, представлены у Дж. Роулза, задавшего «систему координат» современным политическим дискуссиям. В этом смысле «политика не представляет собой раздел этики, она – нечто иное и существенно большее»¹⁵. Она – именно обсуждение опыта; устойчивые понятия выполняют роль каркаса, строительных лесов, «используя» которые мы можем пережить то, что заставило говорить данного мыслителя; именно за счет понимания «сцены» мы можем его понять. В основе же единства сцен – единство опыта, разделяемое всеми, включающимися в данную игру.

«Стилевой» анализ политики представляется весьма перспективным; он позволяет описать «собрание» субъекта в ситуации все дальше идущего фрагментирования. Однако идеи Анкерсмита не всегда подтверждаются на практике. Так, анализируя события 1980-х гг., он заметил, что «стиль» М. Горбачева отличался от стиля его предшественников. С точки зрения Анкерсмита, Горбачев был «приличным человеком» и уважал ту общность, к которой принадлежал. Это сделало его уязвимым среди носителей другого стиля. «...Если вернуться к Горбачеву, то не «гласность» и «перестройка» означали конец советского коммунизма, а политическое приличие этого человека, то есть его мудрость, проявившаяся в признании бессмысленности благополучно пережить шторм, который он невольно вызвал, стремясь устранить его причины. Горбачев имел приличие не начинать с уничтожения своих оппонентов в тра-

¹⁴ White 2014: 9.

¹⁵ Анкерсмит 2014: 25.

диционном советском духе, поскольку у него достало мудрости понять, что прямая конфронтация с реалиями российского общества была бы катастрофой и для него самого, и для народа»¹⁶. «Здравый смысл» жителей России точно будет возмущен такой интерпретацией деятельности Горбачева, отношение к этой фигуре у подавляющего большинства россиян другое. Отметим, что такое суждение о происходящем Анкерсмит выносит, исследуя современные ему политические реалии и руководствуясь своей методологией стилистического анализа. Между тем, здравый смысл, чувство общности должны были бы удерживать от невзвешенного суждения и дать воспроизвести общезначимое и консенсусное. Этого не происходит, и не происходит из-за простой ошибки Анкерсмита, корень которой – игнорирование исторической размерности. Здравый смысл был «работающим» именно в рамках домодерного общества, когда строй жизни был более-менее единообразным, и опыт, соответственно, тоже. Сейчас ни строй жизни, ни базирующийся на нем опыт таковым не является. Единство опыта в лучшем случае возможно в духе Ю. Хабермаса: жизненный мир как дорефлексивные очевидности, требующие согласия действовать сообща большинства живущих именно в этих условиях людей. Буквальное же применение «здорового смысла» требует как раз знания реалий жизни другой страны, а не очищенного от всего «обыденного опыта» и, тем самым, поневоле подхода с точки зрения общечеловеческих ценностей (когда Анкерсмит при трактовке личности Горбачева аттестует его милейшим человеком и гуманистом на основе переноса абстрактного смоделированного простейшего опыта взаимодействия). Анкерсмит здесь противоречит сам себе.

В заключение отметим, что и подход здравого смысла как обучение на примерах, и «стилистическое» восприятие имеют право на существование. Популярность «школы реальных социальных наук» растет; что же касается идей драматической «пентады» и «стиля», то, несмотря на спорность конструкции Уайта и неудачу Анкерсмита при практическом применении данного понятия, «стилевое» понимание политики успешно используется¹⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова. М.: «Праксис», 2013. 630 с. [Aleksander Dzh. Smyly social'noj zhizni: kul'tur-sociologija / Per. S ang. G.K. Olchovikova. M.: «Praksis», 2013. 630 s.].
- Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / Пер. с англ. Д. Краlechкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 432 с. [Ankersmit F. Esteticheskaja politika. Politicheskaja filosofija po tu storonu fakta i cennosti / Per. S angl. D. Kralechkina. M.: Izd. dom Vysshjej shkoly jekonomiki, 2014. 432 s.].
- Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения Т. 4 / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Довагура. М.: Мысль, 1984. 830 с. [Aristotel'. Nikomahova jetika // Aristotel'. Sochinenija. T. 4 / Per. s drevnegrech.; obshh. red. A.I. Dovatura. M.: Mysl', 1984. 830 s.].

¹⁶ Там же: 24.

¹⁷ См., например, Martin-Algarra 2003: 115–124; Александр 2013.

- Артамонова Ю.Д. Фигура автора и понимание политического текста // Вестник МГОУ. 2016. № 4, с. 1-8 [Artamonova Ju.D. Figura avtora i ponimanie politicheskogo teksta // Vestnik Moskovskogo gos. udarstvennogo oblastnogo universiteta, 2016, № 4, s. 1–8].
- Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: МИФРИЛ, 1995. 244 с. [Bicilli P.M. Elementy srednevekovoy kul'tury. SPb: MIFRIL, 1995. 244 p.]
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Пер. с нем., общ. ред. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с. [Gadamer Kh.-G. Istina i metod / Per. s nem., obshch. red. B.N. Bessonova. M.: Progress, 1988. 704 s.]
- Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 527 с. [White H. Metaistorija: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v. / Per. S angl. pod red. E.G.Trubinoi i V.V. Kharitonova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2002. 527 s.]
- Фливерберг Б. Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики / Пер. с англ. Н.В. Романовского // Социологические исследования, 2004, № 9. <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-09/flivberg.pdf> [Flivberg B. Kejs-stadi v kontekste kachestvenno-kolichestvennoj problematiki // Sociologicheskie issledovanija, 2004, № 9. <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-09/flivberg.pdf>].
- Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – нач. 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца, А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова. М.: ООО Новые решения, 2018. 1174 с. [Hraniteli Rossii. Antologija. T. 6. Krest'jan-skoe delo. 1840-e – nachalo 1860-h gg. / Pod red. S.V. Perevezenceva, A.A. Shirinjanca, A.S. Abramjan, D.A. Anan'ev, K.A. Gorshkova. M.: ООО Novye reshenija, 2018. 1174 s.]
- Burke K. Language as Symbolic Action: Essays on Life, Literature, and Method. Berkeley: University of California Press, 1966. 514 p.
- Burke K. Permanence and Change. N.-Y.: New Republic, Inc., 1935. 351 p.
- Burke P. Ludwig XIV. Die Inszenierung des Sonnenkönigs. Berlin: Wagenbach, 1993. 278 s.
- Fischer-Lichte E. Theatralität und Inszenierung // Fischer-Lichte E. (Hg.) Inszenierung von Theatralität. Tübingen: Francke, 2000. S. 11-23. https://doi.org/10.1007/978-3-322-89797-8_3
- Martin-Algarra M. Teoría de la comunicación: una propuesta. Madrid: Tecnos, 2003. 179 p.
- Real social science: applied phronesis / Bent Flyvbjerg, Todd Landman, Sanford Schram. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. 308 p.
- Schram S. F., Caterino B. (eds.) Making Political Science Matter. N.Y.: Univ. Press, 2006. 304 p.
- White H. The Practical Past. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2014. 158 p.

Артамонова Юлия Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и теории политики, факультет политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова; juliaartamonova@yahoo.com

The return of “sensus communis” in modern strategies of socio-humanitarian research

In modern research, the key concepts of “author”, “text and context”, and “sign” are problematized (including their historical dimension); a number of strategies (first of all, B. Flyvbjerg and the school of “realistic social sciences”, H. White, and F. Ankersmit) offer new readings of the “common sense” strategy that dates back to Aristotle, and are quite productive. They will be presented and analyzed in the article.

Keywords: *sensus communis (common sense), “real social science”, research style, historian’s taste.*

Yulia Artamonova, PhD. in Philosophy, associate professor of Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; juliaartamonova@yahoo.com